

Галерея портретов Прокудиных-Горских: военные, экономисты, писатели

Век XVIII–XIX

Прокудины-Горские, «честные мужи», которым «ратное дело за-обычно» было, отстаивали интересы России и в «новые времена» царствования Петра Великого и становления обширной Российской империи. Роднились своими браками с другими, не менее древними и знатными родами.

Петр Иванович Прокудин-Горский был сыном коллежского ассесора, помещика Владимирского и Суздальского уездов Ивана Ивановича Прокудина-Горского и его жены Анны Ивановны, в девичестве Врасской.

Дворянский род Врасских восходил к началу XVI века. В XIX веке действительный статский советник Борис Алексеевич Врасский был широко известен читающей публике как переводчик и издатель.

Уважение снискал Михаил Николаевич Галкин-Врасский — эстляндский, а затем и саратовский губернатор; с 1896 года — член Государственного Совета.

Петр Иванович Прокудин-Горский служил в лейб-гвардии Измайловском полку.

Был удостоен ордена Св. Владимира IV-й степени с бантом, учрежденного Екатериной II как награда за отличия на государственной службе. Крест темно-красной эмали с черной каймой имел на лицевой стороне изображение вензеля Св. Владимира.

О Петре Ивановиче Прокудине-Горском помимо того, что он был кавалером ордена Св. Владимира, известно так же, что он был директором экономии Нижегородской казенной палаты.

На этом посту застал его князь Иван Михайлович Долгоруков и упомянул его в своих воспоминаниях, которые носят поэтическое название «Капище моего сердца...»

Правда, капищем сердца Долгорукова был не столько Петр Иванович Прокудин-Горский, сколько его супруга Феоктиста Даниловна.

С ней влюбчивый князь Иван Михайлович Долгоруков познакомился в 1770-х годах.

Имея позволение прожить в Нижнем Новгороде неделю, молодой князь прожил там десять дней и «в Феоктисту Даниловну влюбился по уши, ежеминутно был у них и с ней, и восхищался до крайней степени ее красотой...»

О самом Петре Ивановиче Прокудине-Горском князь Долгоруков сообщал, что тот держал открытым дом «на самой пышной ноге богатого вельможи.

У него была домовая церковь пребогатая; эрмитаж на двенадцати кувертах ... подъемный стол на машинах».

Сильное впечатление на князя Долгорукова произвели в доме Прокудина-Горского «зимний сад в одной из комнат просторного дома», а также «птичник, в котором всегда происходил гармонический концерт разнородных пернатых».

Заключая описание жизни Петра Ивановича Прокудина-Горского и его дома, князь Долгоруков писал: «словом он был в Нижнем то, что Шереметев в Москве».

Петр Борисович Шереметев, с которым сравнивал Прокудина-Горского князь Долгоруков, был сенатором, сыном сподвижника Петра I, числившегося «высшим командиром над всеми войсками».

Оставив государственную службу, с 1780 года избирался предводителем московского дворянства.

Жил в своих имениях, одно из которых, — знаменитое Кусково под Московской.

Прославился коллекционированием и меценатством. В Кусково у Шереметева была своя кунсткамера, домашний театр и коллекция редкого оружия.

Когда срок пребывания князя Долгорукова в Нижнем Новгороде подходил к концу, Петр Иванович Прокудин-Горский устроил ему прощальный ужин, точнее сказать «прощальную неделю»: «На сей конец он мне дал большой пир и кормил меня (один день) на серебре, потом другой (день) на фарфоре, а, наконец, прощальный ужин на английском сервизе аплике [сервиз, покрытый тонким слоем серебра]».

Итак, Прокудин-Горский в Нижнем Новгороде, что Шереметев в Москве...

Теперь несколько слов о самом авторе этих мемуаров, о князе Иване Михайловиче Долгорукове. Предком его был знаменитый князь Яков Федорович Долгоруков (Долгорукий).

В ходе Северной войны в сражении под Нарвой князь Яков Федорович попал в плен.

Незаурядность его недюжинной натуры проявилась и в том, что через десять лет плена он сумел совершить побег, причем ему удалось захватить с собой вражеский фрегат.

После этого в России он был назначен сенатором и возглавил Военный комиссариат. С 1717 года он стал президентом Ревизионной коллегии.

Память в веках снискал своей неподкупностью и прямодушием.

Дочь его родственника Екатерина Алексеевна Долгорукова была обручена ни много ни мало — с 14-летним императором Петром II и получила титул, который сейчас звучит совершенно фантастически: «Ее Высочество государыня-невеста».

Однако брат ее был втянут в дворцовые заговоры, за что отправлен в ссылку и в 1739 году казнен.

Все это многое объясняет в самом характере записок князя Ивана Михайловича Долгорукого. После дворцового переворота этот княжеский род надолго попал в опалу.

Именно поэтому, наверное, И.М. Долгоруков, составляя свои записки, нарочито придавал им «внеисторический» характер.

Он как будто все время подчеркивал, что его интересуют только любовь и развлечения, но никак не дела государственные или тем более политические.

Но это всего лишь удачный литературный трюк. Те факты и события, которые он собирал и обрамлял «любовными похождениями», представляют исключительную историческую ценность.

К концу жизни князь Иван Михайлович Долгоруков завершил свои мемуары, над которыми работал многие годы. Озаглавил их «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни».

Он создал в отечественной литературе совершенно новый для XVIII века жанр: историко-мемуарную прозу. Сам Пушкин признал Долгорукова как литератора.

Упомянув в «Евгении Онегине» слово «авось», Пушкин заметил, что этому слову, ставшему почти символом русского образа жизни, он готов даже целое стихотворение посвятить. «Но стихоплёт высокородный Меня уже опередил»: князь И.М. Долгоруков уже написал ироническую оду «Авось».

Тем более было интересно познакомиться на страницах воспоминаний этого «высокородного» мемуариста с жизнью моего далекого предка Петра Ивановича Прокудина-Горского — гвардейца Измайловского полка, директора Нижегородской казенной палаты, кавалера ордена Св. Владимира и супруга редкой красавицы.

Относительно жены-красавицы Феокисты Даниловны Прокудиной-Горской в нашей семье сохранилось предание.

Пелагея Петровна Нарышкина ездила на Орловщину в дом Владимира Михайловича Прокудина-Горского, когда он женился на ее сестре, Марии Петровне. Она запомнила портрет этой великосветской дамы, который ей показывал Владимир Михайлович: портрет очень большой, платье «все в розовых оборках, а на руках держит москью».

Бросился в глаза фон — яркие цветы и птицы.

Теперь, после прочтения записок князя Долгорукова, понятно, что художник стремился запечатлеть нижегородскую красавицу на фоне достопримечательностей дома Прокудиных-Горских: его вольера и оранжереи.

Что же касается ярких розовых оборок, сохранявших свою свежесть более столетия, возникает предположение, что портрет много раз подновлялся. Отсюда и появление в портрете собачки, живописного приема уже XIX века, а не «поза-поза-прошлого» XVIII века.

Если этот портрет еще где-то сохранился милостью времени, то его владелец может теперь с уверенностью назвать имя модели. Не вызывает сомнений и время написания — тогда, когда Феокиста Даниловна Прокудина-Горская была молодой и пленительной, то есть в самом конце XVIII века.

Сохранилось до наших дней живописное изображение самого князя Долгорукова, который поведал нам о красоте Феокисты Даниловны. Оно исполнено выдающимся художником того времени Дмитрием Левицким.

Наберемся смелости предположить, что и портрет Феокисты Даниловны принадлежал кисти того же мастера. Ведь умерла героиня этого роскошного портрета в самом начале XIX века, когда Левицкий

был в зените славы и показал себя непревзойденным мастером передачи на холсте шелков, бархата, кружев и цветов, — которые, казалось, источают свой аромат не только из оранжерей, но даже с дамских шляпок...

* * *

Брат Петра Ивановича — Неофит Иванович Прокудин-Горский — также начал свой жизненный путь гвардейцем Измайловского полка.

Затем стал председателем Нижегородского губернского магистрата и в 1784 году — директором экономии Пензенской казенной палаты, о чем и упоминал князь Иван Долгоруков в мемуарах «Капище моего сердца...»

Судьбы у братьев похожи. Общались между собой постоянно, начиная с гвардейской службы.

Петр и Неофит Прокудины-Горские деду моему были прадедами. Кажется, что «прадед» далеко — на самом деле получается близко...

* * *

Еще одним представителем этого родового колена был брат Петра и Неофита Михаил Иванович Прокудин-Горский (1744–1813).

О нем в нашей семье часто вспоминали, так как он стал известным литератором. У нас дома хранилось несколько фолиантов его книг в красных кожаных переплетах с тиснением.

Это был истинный русский вельможа XVIII века.

В детстве записан в гвардию, в тот же лейб-гвардии Измайловский полк, что и его братья.

Образование — домашнее. Под руководством друга дома «кондуктора» Г. А. Фемерса (инженерного унтер-офицера) шесть лет кряду изучал математику.

В 15 лет зачислен «дворянином посольства» в свиту чрезвычайного посланника в Константинополе князя Григория Ивановича Шаховского.

По возвращению посольства в Россию вступил в действительную службу в лейб-гвардии Преображенский полк.

Термин «лейб-гвардия» («лейб» — в переводе с немецкого «тело») обозначает «царская стража», «королевская рать». Лейб-гвардия — лучшее войско императорской России.

Лейб-гвардии Преображенский полк был учрежден еще Петром I. Преображенцы сразу же показали себя легендарными воинами. Когда шведский король Карл XII с отборным войском совершенно неожиданно явился под Нарвою со словами «Нам ли бояться мужиков московских», Преображенцы и Семеновцы «огородились рогатками» и, выждав врага, встретили его столь дружным отпором, что остановили его стремительный натиск.

Пораженный Карл сам ринулся в битву... Под ним убило лошадь, пуля разорвала ему галстук, в пылу схватки он потерял сапог и продолжал биться босой. «Вот каковы мужики!» кричал он.

После этого родилась легенда, что Преображенскому и Семёновскому полкам было приказано в знак отличия носить красные чулки, как память о том, что они отражали атаки врага, «стоя по колено в своей крови».

Когда в лейб-гвардии Преображенский полк пришел служить Михаил Иванович Прокудин-Горский, еще были живы некоторые из героев взятия Нарвы...

В портретной галерее Прокудиных-Горских имелся живописный портрет Михаила Ивановича в костюме Преображенского полка и со стопкой книг. В нижнем углу холста красовалась маленькая пушечка и весы — символ справедливости. Потому, как весы «наезжали» на пушечку, можно было предположить, что портрет выполнял самоучка, скорее всего, домашний художник.

Выйдя в отставку, Михаил Иванович вернулся во Владимир, служил ассессором в Палате гражданского суда Владимирского наместничества. Избирался предводителем дворянства в Киржачском уезде.

Вызвался на свои средства отстроить вместо сгоревшей церкви Успения Пресвятой Богородицы на Горе новый каменный собор.

Итак, Михаил Иванович Прокудин-Горский предстает перед нами как человек разносторонних дарований и активной жизненной позиции. Добавим к этому, что он еще состоял «членом вольного Российского собрания что в Императорском Московском университете» и был плодовитым писателем.

Уже в раннем его опусе «Уединенное размышление деревенского жителя» чувствуется нечто новое для русской литературы: яркие

зарисовки жизни Турции, которую Михаил Иванович посетил в составе посольства. Аромат восточной экзотики, описание любовной истории с похищением, очевидцем которой он был; и одновременно ностальгия по России, патриотическая тема, — все это не могло не привлекать в произведении молодого автора.

Затем Михаил Иванович опубликовал свою «Речь на знаменитый день торжества славного и вечного мира между Империей Российской и Портой Оттоманской, заключенного Ее Императорским Величеством государыней императрицей Екатериной II», а так же «Речи» по случаю открытия Владимирского и Тамбовского наместничества.

Его «Речи» — литературный жанр, в котором писали свои оды Ломоносов и Державин, — печатались на кремовой бумаге с виньетками и заставками.

Писательство сблизило Михаила Ивановича со многими крупными деятелями России XVIII столетия. Так, «Уединенные размышления» он посвятил своему другу Михаилу Федоровичу Соймонову (1730–1804) — сенатору, одному из организаторов горного дела в России. Не менее известен был его отец: Федор Иванович Соймонов — тоже сенатор, автор первой печатной карты и первого «описания» Каспийского моря, организатор первых морских плаваний в Тихом океане.

Во время эпидемии чумы 1770–1772 годов Михаил Иванович остался в Москве, пользуясь дружбой и доверием генерал-губернатора Петра Дмитриевича Еропкина. Екатерина II специально направила Еропкина в Москву во время чумы для «надзора за здоровьем» жителей первопрестольной. Еропкин учредил карантин и прибегал к самым разнообразным экстраординарным мерам по борьбе с эпидемией. Здесь-то и пригождалась молодая энергия Михаила Ивановича Прокудина-Горского.

Когда позже он стал предводителем дворянства, его деятельность высоко оценил генерал-губернатор Роман Ларионович Воронцов. Он отмечал, что Михаил Иванович Прокудин-Горский «особливое свое усердие изъявил» в открытии Владимирского и Тамбовского наместничества.

Михаил Иванович был человеком, что называется, пишущим. Кроме того он до беспамятства любил театр, поэтому из-под его пера выходила пьеса за пьесой. В 1773 году была опубликована комедия

«Самохвал», высмеивавшая непросвещенное дворянство. В 1782 году увидела свет «Судьба деревенская. В 3-х действиях». С нее был сделан оттиск по альманаху «Российский театр» за 1789 год, вероятно, в это время пьеса шла на театральных подмостках. В 1802 году появилась комедия «Туалет».

В его комедиях действующие лица напоминают фонвизинские: вдова Суеверова, племянница ее Безнадеждова, положительные герои Благоразумова, Постоянов и прочие. Привлекает множество живых диалогов, юмор положений, а также тонко наблюденные детали дворянского быта. Своей философской неторопливостью и фатализмом перед лицом невыполненных дел некоторые персонажи его пьес предвосхищают образ слуги Обломова — Захара, словно вышедшего из этих комедий.

Написал Михаил Иванович даже методическое пособие: «Сокращенное познание математики от начала арифметики до фортификации или военной архитектуры. С приличными тому чертежами, изданное в пользу Российского благородного юношества...»

Струна просветительства, видимо, не замолкала в его душе.

Может быть, отсюда, от пособий «для благородного юношества» и проистекает у автора этих строк та же непреодолимая страсть писать, писать для следующих поколений...

* * *

Дочь писателя Михаила Ивановича Прокудина-Горского П р а с к о в ь я М и х а й л о в н а вышла замуж за Григория Алексеевича Безобразова из старинного дворянского рода.

Еще в 1605–1606 годах один из Безобразовых — Иван Романович — ездил в Польшу к королю Сигизмунду III согласовывать с ним важный государственный вопрос о женитьбе Лжедмитрия I на Марине Мнишек. Одновременно он, «лукавый царедворец», по тайному поручению бояр вел переговоры о свержении того же Лжедмитрия...

В русской истории оставили свой след или точнее сказать — свою подпись — Семен Андреевич Безобразов и его сын, которые будучи выборными, в 1613 году подписали грамоту об избрании на престол царя Михаила Федоровича. С этого момента и начала на Руси свое исчисление царствующая династия Романовых.

Прасковья Михайловна Прокудина-Горская отличалась редкой красотой и поэтому к своей новой фамилии «Безобразова» относилась с большим огорчением. Родные ее прозвали «прекрасная Безобразова». Она славилась своими вышивками, серебряными нитями вышивала образ «Божьей матери».

Позже, будучи уже матерью нескольких детей, участвовала с дочерьми в семейных спектаклях по пьесам своего отца Михаила Ивановича Прокудина-Горского.

Кроме дочери Прасковьи у литератора Михаила Ивановича Прокудина-Горского было три сына: Лев, Николай и Сергей, все потомственные гвардейцы.

* * *

Писателем был и внук знаменитого литератора XVIII века Михаила Ивановича Прокудина-Горского — Георгий (Егор) Сергеевич.

До нас дошла фотография, сделанная с его живописного портрета. В лице что-то почти неуловимое, но присущее почти всем членам этого рода, как бы исходящее от «самого Чингисхана». Из темноты фона выступает бледное лицо с густыми черными бровями и глазами «с раскосинкой».

Он служил в Чугуевском уланском полку. Потом был лесничим, покровским земским исправником, мировым посредником Покровского уезда Владимирской губернии. Печатался в только начавшем тогда выходить «Журнале охоты», прекрасно оформленном, с гравюрами какой-нибудь неприметной птички из среднерусской полосы или зверя «с характером».

Произведения Егора Прокудина-Горского пользовались популярностью и утверждали новый жанр в русской литературе — «рассказы охотника», жанр, которым обессмертил себя Иван Сергеевич Тургенев.

На страницах книг Егора Прокудина-Горского мы встречаемся с интересными людьми и необычными ситуациями. Ощущаем запах леса, его шорохи, его влажный воздух, пахнущий грибами.

«Удивительно, когда подумаешь, какое богатство заключается в этих громадных, сплошных лесах, еще целых, нетронутых, — писал Егор Прокудин-Горский. — Какое охотничье сердце не забьется при виде такой роскоши и обилия дичи?»

Разве только один москвич, привыкший топтать целое лето подмосковные болота, только он будет равнодушен и заметит: хороши места, да черт ли в них, такая даль от Москвы».

Круговая чаша чудаков-охотников, гитара, костры под песню глухаря, и среди всего этого настоящий «лесовик» Егор Прокудин-Горский.

Он заезжает к своим друзьям, родственникам, проявляет интерес к усадьбам, барским домам, живописным портретам. Ему мило все это, дорого.

В селе Шлыково, в усадьбе Орловской губернии перед ним «явился трехэтажный с бельведером дом, со множеством окон и рядом колонн, поддерживающих балкон... Окна залы были уставлены горшками свежей зелени и цветов.

В правой стороне стояла большая музыкальная машина. А налево в простенке окон, выходящих во двор, другая, также хорошей работы, но меньшего объема.

Эта последняя заводилась всегда после обеда, и когда мы вошли, она играла какую-то русскую песню.

Тема России, любви к ней, к ее природе, ее усадьбам, к народным традициям звучит у Егора Прокудина-Горского постоянно.

Он не только зарисовывает отдельные сценки, но дает общую картину образа жизни просвященного русского дворянства 1860-х годов: старинный приусадебный парк ухожен, всюду чугунные мостики, беседки, статуи и фонтаны.

«Послеобеденное время проходило в чтении журналов и газет», а вот и аккорды рояля и благозвучное контральто, исполняющее «Матушку-голубушку».

Трогательно, «с душой» рассказано про раненого птенчика, которого пожалел этот опытный охотник и принес его домой обхаживать, а тот «забился в угол, словно сконфуженный...»

Книгу «Поездка в Карачевские болота. Охотничьи рассказы» Егор Прокудин-Горский посвятил своему другу Николаю Васильевичу Киреевскому, славившемуся широкой образованностью и гостеприимством, доброму знакомцу графа Льва Николаевича Толстого.